

DOI: 10.18503/1992-0431-2018-3-61-125–142

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ С ПОГРЕБАЛЬНЫМ РЕМЕННЫМ ГАРНИТУРОМ ИЗ ФАНАГОРИИ

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Аннотация: В 2017 г. некропольским отрядом Фанагорийской экспедиции ИА РАН было исследовано позднеантичное детское захоронение, которое относится к одному из самых редких типов погребений Фанагории этого времени – глубоким могилам с подбоем в торцевой стене шахты. В некрополе столицы Азиатского Боспора IV–V вв. подбойные гробницы в количественном отношении существенно уступают простым могилам и грунтовыми склепам. В них гораздо чаще встречаются золотые предметы, что свидетельствует в пользу довольно высокого социального статуса погребенных в них горожан. Не стал исключением и комплекс № 280, которому посвящена настоящая статья. Погребение представляло собой узкую прямоугольную шахту с нишей в северо-западной стене, на полу которой стоял деревянный гроб со скелетом ребенка. Погребенный был уложен на левый бок, кости рук располагались на туловище и под ним; ноги вытянуты и в области стоп прижаты друг к другу. Ребенок ориентирован головой на юго-восток – к шахте погребения, что не типично для фанагорийских позднеантичных захоронений. Инвентарь представлен исключительно изделиями погребальной практики, имитирующими реальные предметы. Все они изготовлены из фольги благородных металлов. В области туловища ребенка найдены золотые имитации деталей ременного гарнитура (пряжка, два наконечника ремня) выполненные в единой стилистике и изготовленные по одной технологической схеме. В нижней части голени обнаружен тлен от серебряной фольги, вероятно, это остатки пластины, имитировавшей элемент ременного гарнитура (пряжка или наконечник ремня). Рядом с нижней челюстью погребенного обнаружена золотая индикация, которая, по видимому, была использована в качестве «обола Харона» и находилась изначально во рту ребенка. Именно индикация, оттиснутая с бронзовой монеты – полуфоллиса Константина I, выпускавшейся на монетном дворе Рима в период с октября 312 по май 313 г. н.э., задает нижний хронологический рубеж всего комплекса и позволяет датировать погребение временем не ранее 313 г. н.э. На основании анализа аналогичных погребальных наборов Боспора, археологического контекста в котором они были обнаружены, высказывается предположение о принадлежности этих древностей, прежде всего, воинской погребальной культуре. Выдвигается гипотеза, согласно которой имитации пряжек и наконечников ремней могли использоваться в качестве элементов погребальной портупеи.

Ключевые слова: Фанагория, некрополь, поздняя античность, погребальный обряд, ременной гарнитура, воинское снаряжение, пряжка, индикация

Данные об авторах. Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Информационно-издательской группы ИА РАН; Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-31-01093-ОГН ОГН-МОЛ-А2.

В ходе работ Некропольского отряда Фанагорийской экспедиции ИА РАН на Восточном некрополе столицы Азиатского Боспора в 2016–2017 гг. было исследовано позднеантичное детское погребение № 280 (рис. 1–4). Этот комплекс, на наш взгляд, представляет бесспорный интерес для изучения боспорских погребальных древностей IV–V вв. н.э. На сегодняшний день, из более сотни захоронений этой эпохи, открытых за всю историю изучения Фанагории, опубликованы лишь единичные комплексы, значительная часть которых происходит из раскопок последних лет¹.

Исследования публикуемого погребения началось в 2016 г., когда на глубине около полутора метров от современной дневной поверхности обнаружили его первые признаки. При зачистке материка было выявлено прямоугольное пятно заполнения могильной ямы. Впоследствии, при расчистке ямы, стало очевидно, что комплекс частично разрушил погребение коня, обозначив, таким образом, верхнюю хронологическую границу этого объекта (281/2016).

Узкая яма могилы в плане имела вытянутую прямоугольную форму (рис. 1, 1). Максимум ее ширины находился в самой верхней точке и достигал 0,7 м, длина – 2,15 м. Ширина могилы по уровню пола 0,5–0,65 м. Она была ориентирована продольными сторонами по линии северо-запад – юго-восток и несколько расширялась к северо-западу, достигая максимальной ширины у торцевой стены, в которой была выкопана ниша-подбой, ориентированная по оси шахты погребения.

Проем ниши подбоя был полностью закрыт сырцовым закладом (рис. 1, 2; 2, 2). Структура кирпичного заклада сохранилась частично. На торцевой поверхности сырцовой преграды обращенной к расчищенной шахте, удалось зафиксировать двенадцать горизонтальных рядов сырцовых кирпичей. Заклад полностью заполнял собой проем между продольными стенами северо-западной части дромоса (рис. 2, 2; 4, 2). Лицевая поверхность сырцовой кладки была не строго вертикальной. Ряды кирпича уложены таким образом, что поверхность сырцовой стенки, которая видна из дромоса, постепенно отступала вглубь коридора от пола до вершины его свода примерно на 0,5 м. Именно благодаря этой конструктивной особенности и удалось зафиксировать структуру кладки.

Пол входной шахты плавно опускался в сторону ниши. Перепад высот от юго-восточной торцевой стены шахты до нижней границы сырцовых кирпичей заклада составил более 0,3 м. Примечательной чертой конструкции входа в погребальное сооружение стал обнаруженный на северо-восточной стене дромоса отпечаток деревянной доски длиной около 0,95 м и шириной до 0,13 м. Судя по отпечатку, доска располагалась вдоль стены строго горизонтально и находилась в 0,7 м от верхней точки пола дромоса. Вероятно, мы имеем дело с сохранившимся отпечатком элемента деревянной облицовки входной шахты.

После обнаружения заклада стало очевидно, что исследуемый комплекс не простое погребение в могильной яме, а конструктивный элемент подбойного погребения или грунтового склепа. В целом, конструкция шахты погребения аналогична устройству дромосов грунтовых склепов позднеантичной эпохи, выявленных на этом участке некрополя Фанагории в предыдущие годы исследований.

¹ Ворошилова 2011а; 2013а; 2013б; Ворошилов, Ворошилова 2015а; 2015б; Медведев 2013; Сударев, Ахмедов 2013; Шавырина, Ворошилова 2013 и др.

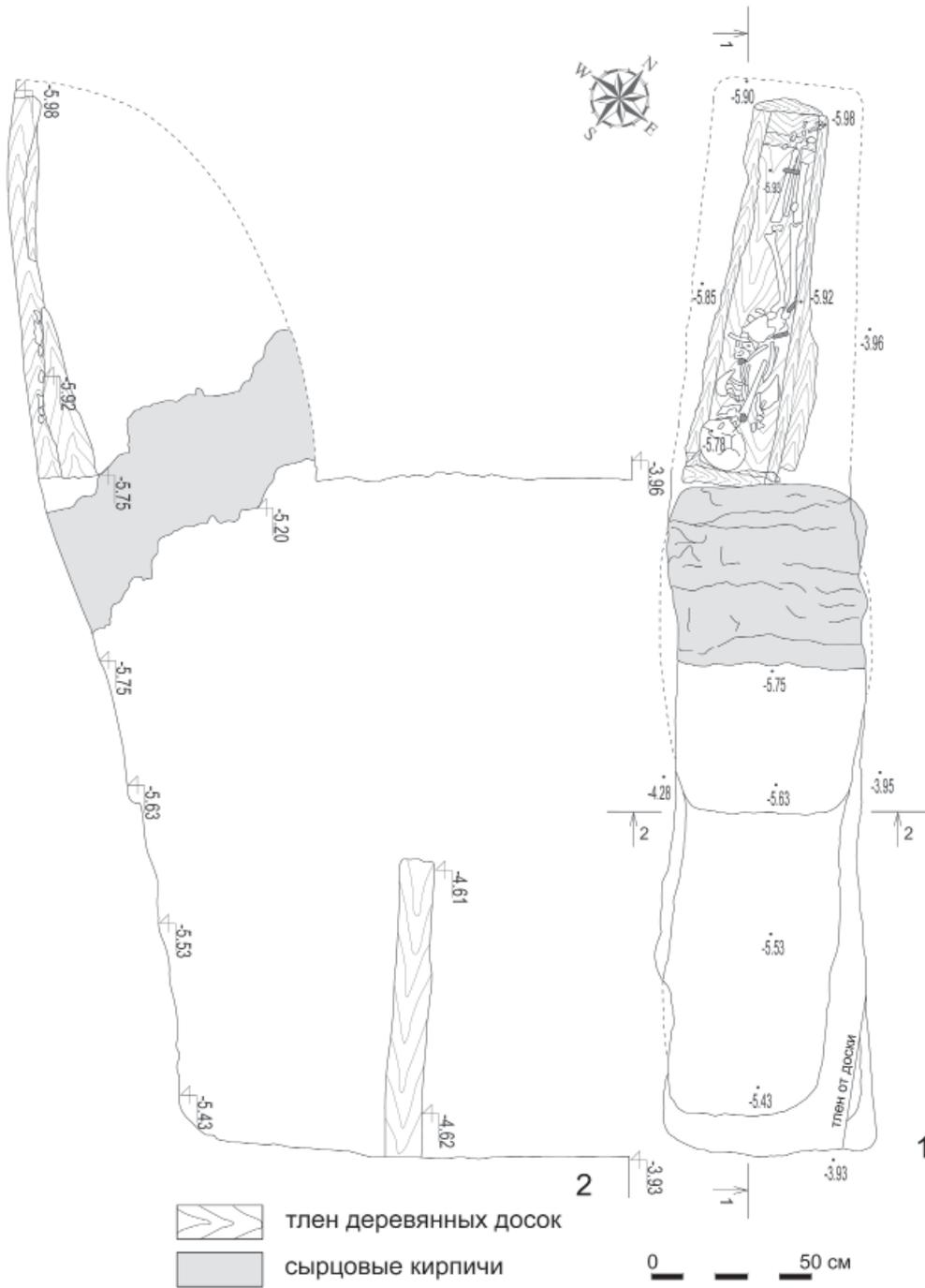

Рис.1. Погребение 280/2017. 1 – план погребения; 2 – продольный разрез погребения

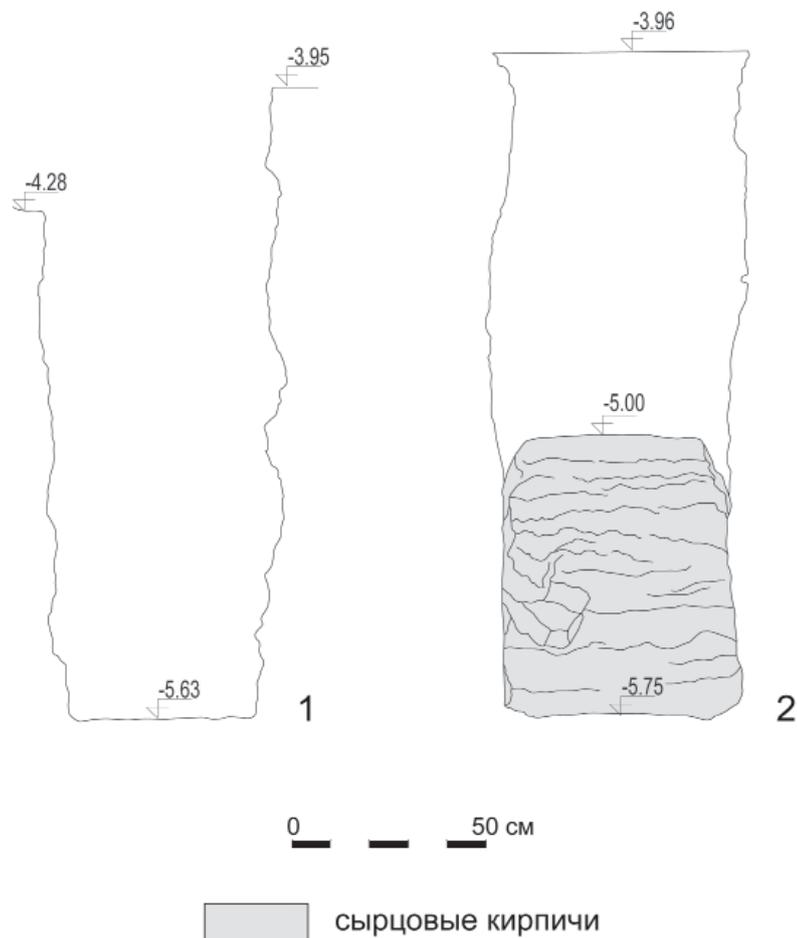

Рис. 2. Погребение 280/2017. 1 – поперечный разрез шахты; 2 – вид из шахты на сырцовый заклад

В связи с близким завершением полевого сезона 2016 г. и штормовой погодой (факторами, ставящими под угрозу методически правильное исследование глубокой грунтовой гробницы сложной конструкции) было принято решение о консервации исследованной шахты погребения до следующего полевого сезона².

Исследования 2017 г. подтвердили, что обнаруженный в предыдущем полевым сезоне комплекс, является подбойной могилой. В ее северо-западной стене был расчищен подбой прямоугольной формы (рис. 3; 4, 1, 3). Свод ниши, где было совершено захоронение, обрушился в древности, о его форме можно судить лишь по верхней части заклада, которая представляла собой уплощенную сверху арку (рис. 2, 2; 4, 2). Судя по высоте заклада из сырцового кирпича, максимальная высота ниши в устье изначально составляла около 0,8–0,9 м. Ширина подбоя –

² Принятию этого решения способствовала и близость грунтовых вод, которая исключала возможность полноценного исследования погребения, расположенного глубже сырой шахты, без проведения дренажных работ.

0,55–0,6 м. Его пол находился на глубине более 3,5 м от современной поверхности³. На нем, в центре ниши стоял небольшой гроб (рис. 3; 4, 3). Сырцовые кирпичи заклада располагались таким образом, что формировали своеобразный свод над юго-восточной частью гроба. То есть были уложены со сдвигом каждого верхнего ряда кирпичей внутрь подбоя (рис. 1, 2). Таким образом, гроб был установлен в глубокую нишу, окруженную с трех сторон стенами и сводом, вход же был плотно запечатан сырцовой кладкой.

В деревянном гробу находился скелет ребенка. Обнаруженные отпечатки досок, из которых был изготовлен гроб, дали возможность сделать некоторые выводы о его конструкции. Стало понятным, что изначально деревянная конструкция имела форму трапеции, расширяясь от ног к плечам погребенного. Сохранился отпечаток поперечной планки шириной около 5 см, скреплявшей продольные доски (вероятно, две) дна гроба. Планка располагалась в 7–8 см от узкой торцевой стенки гроба. Следует отметить, что стенки могли быть не строго вертикальными, в таком случае гроб расширялся кверху. Над скелетом на уровне верхней границы стенок гроба выявлен тлен его деревянной крышки, состоявшей из двух досок. Их отпечатки сохранились фрагментарно – две доски шириной около 13–14 см удалось зафиксировать над верхней частью скелета, продолжение одной из них обнаружено вдоль северо-восточной стены гроба над костями голеней ребенка. Судя по горизонтальному положению расчищенного тлена досок, крышка гроба, скорее всего, была плоской или двускатной с небольшим углом наклона. Максимальная высота гроба зафиксирована у черепа и составляла около 0,2 м. Деревянное вместилище тела имело длину около 1,3 м. Его максимальная ширина находилась у плеч человека и по дну составляла 0,26 м. Ширина у головы по полу гроба – 0,21 м⁴. На этом же участке ширина гроба, измеренная на 0,1–0,15 м выше его пола, составляла уже 0,28 м. Дно гроба имеет заметный уклон к северо-восточной стене.

Погребенный ребенок был ориентирован головой на юго-восток – в сторону шахты могилы. Судя по расположению костей скелета, он лежал на левом боку⁵, череп при этом оказался в южном углу гроба. Кости рук располагались вдоль туловища, над и под ним. Ноги были вытянуты вдоль продольной северо-восточной стены гроба. При этом левая нога располагалась внизу и была чуть согнута в колене. Правая нога находилась выше левой и была вытянута строго вдоль стены гроба. В области стоп обе ноги были прижаты друг к другу. Длина скелета от крайней точки черепа до пяточных костей составляла около 110 см⁶.

³ Здесь следует указать, что исторический рельеф участка некрополя, где было обнаружено погребение, сильно пострадал от антропогенных воздействий – здесь располагались укрепления времен Второй мировой войны, затем очистные сооружения винзавода и грунтовая дорога. В связи с этим, можно довольно уверенно говорить о том, что изначально глубина погребения № 280 была ощутимо больше зафиксированной при раскопках.

⁴ Вероятно, гроб, стенки которого под давлением земли сместились, на этом участке своей длины изначально был несколько шире, поскольку край черепа выступал на 3 см за границу горизонтальных досок нижней части гроба.

⁵ Возможно, столь нетипичное положение тела умершего может быть объяснено не только особенностями обряда, но и тем обстоятельством, что гроб был установлен не строго горизонтально или сместился при обрушении свода могилы. Когда после снятия костей были расчищены доски дна гроба, выяснилось, что оно имело сильный уклон как раз в том направлении, где располагался скелет.

⁶ На момент подготовки статьи антропологические материалы из погребения 280/2017 находились на обработке у д.и.н. М.В. Добровольской.

Рис. 3. План подбоя могилы (погребальной камеры)

Рис. 4. Погребение 280/2017. 1 –погребение после расчистки; 2 – вид из шахты на сырцовый заклад; 3 – гроб со скелетом ребенка после снятия досок крышки

Инвентарь представлен исключительно изделиями погребальной практики (рис. 5-6), имитирующими реальные предметы. Все они изготовлены из фольги благородных металлов.

1–2. Две имитации наконечников погребального ремня из золотой фольги были найдены среди костей скелета (рис. 3; 5, 2–3, 8; 6, 2–3), в области пояса ребенка (один у костей таза, второй на костях бедер), на расстоянии около 10 см друг от друга. Оба предмета имеют идентичную форму, размеры, орнаментацию и способ изготовления. Нельзя исключать возможности того, что эти плоские накладки из золотой фольги покрывали две стороны одного окончания ремня, так как в публикуемом ремennom гарнитуре всего одна пряжка, выполненная в единой стилистике с наконечниками погребального пояса. В то же время, логика использования этих предметов в погребальном ритуале указывает на то, что все они должны были находиться на виду, т.е. с лицевой стороны погребального пояса. Оба наконечника узкие, вытянутые, одно из окончаний прямое, второе – полукруглое. Размеры наконечников следующие: длина – 4,6 см, ширина – 0,7 см, толщина – 0,1 см. Вся поверхность изделий покрыта сетчатым орнаментом, выполненным посредством металлопластики⁷. Угол пересечения линий орнамента таков, что ячейки композиции имеют ромбическую форму (не всегда правильную из-за отсутствия строгой размерной организации декора). Орнамент нанесен при помощи остроконечного инструмента. Таким образом, на каждом из предметов присутствует сторона с выпуклым и зеркальным вогнутым декором. Пересечение борозд орнамента позволяет определить, какая из них была проведена первой. Судя по различному расстоянию между линиями, изменчивости их наклона, глубины и четкости борозд, мастер выполнял работу довольно вольно, без предварительной разметки. Подтверждается это и далеко не идеальным качеством обрезки (обрубки) округлых окончаний наконечников, где заметна некоторая «угловатость» формы – окончание пластины не имеет плавной формы округлого края. В целом, такая «небрежность» в изготовлении ювелирных изделий может быть объяснена их назначением – разовое использование в погребальном ритуале. Вполне очевидно, что во время похорон у наблюдателя не было возможности детально оценить качество золотого изделия, ни визуально, ни тактильно. Именно прагматическим подходом к ритуальной стороне похорон можно объяснить использование при изготовлении погребальных украшений фольги. Этот технологический прием позволял получить предмет необходимой формы, затратив минимальное количество драгоценного сырья, времени и усилий мастера-ювелира. При этом функциональность изделия в повседневной жизни не имела ровно никакого значения, так как главная задача – одновременно обозначить у покойного наличие какой-либо статусной/ритуальной вещи, реализовывалась в полной мере. На расстоянии имитации деталей ремня смотрятся довольно натуралистично.

Сразу стоит отметить следующую особенность этих изделий – одна из сторон каждого из наконечников несколько темнее другой. Вероятно, это связано с креплением золотой фольги на основу при помощи клеевого состава (отверстий для пришивания у предметов нет). В обоих случаях темнее выглядит сторона с выпуклым орнаментом.

⁷ Нами использована терминология, приведённая И.А. Сапрыкиной в статье о результатах изучения техники изготовления золотых предметов из Фанагории (Сапрыкина 2015, 208–210).

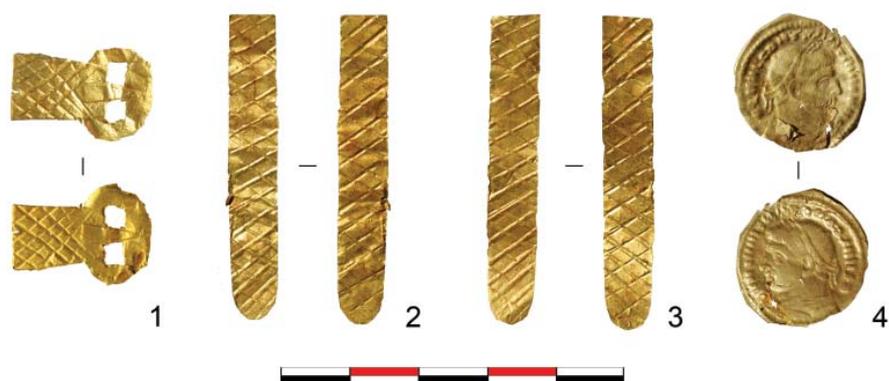

Рис. 5. Погребальный инвентарь. 1 – имитация золотой пряжки; 2–3 – имитации золотых наконечников ремня; 4 – золотая индикация; 5 – пряжка и индикация среди костей скелета; 6 – пряжка in situ; 7 – имитация серебряного наконечника ремня in situ; 8 – золотые наконечники ремня у костей таза и бедра ребенка

3. Поперек костей голени левой ноги (рис. 3; 5, 7), ближе к ее ступне, обнаружен тлен от серебряной пластины шириной около 1 см и длиной до 5 см⁸. Вероятно, это имитация элемента ременного гарнитура (наконечник ремня или, менее вероятно, пряжка).

4. Имитация пряжки из золотой фольги была обнаружена среди завала костей грудной клетки, в районе грудины (рис. 3; 5, 1, 5-6; 6, 1). Визуальный анализ позволяет предположить, что для ее изготовления была использована та же золотая фольга, что и для наконечников ремня. В тонкой золотой фольге изображена не крупная пряжка с трапециевидным⁹ щитком и овальной рамкой. Размеры этого элемента погребального пояса следующие: длина – 2 см; высота рамки – 1,5 см; ширина щитка – 0,8–1,0 см. Рамка пряжки имеет следующие метрические показатели: ширина рамки от основания язычка – до противоположного края рамки – 1,0 см; общая высота внутреннего проема рамки – 0,9 см; ширина внутреннего проема рамки – 0,3 см; «толщина» рамки – 0,2–0,4 см. Язычок имеет длину – 0,9 см и ширину – 0,3 см. Ювелир попытался изобразить пряжку с прямоугольным щитком и овальной рамкой. Максимальная «толщина» рамки приходится на переднюю часть, боковые и задний участки заметно «тоньше». Язычок имеет треугольную форму, его окончание доходит лишь до середины толщины рамки. Вся поверхность щитка покрыта сетчатым орнаментом, аналогичным орнаменту на золотых наконечниках ремня из этого гарнитура. Как и наконечники ремня, пряжка с одной стороны немного темнее. Кратко остановимся на технике изготовления этого предмета. Визуально заметно, что помимо металлопластики (нанесение прочерченного сетчатого декора на щиток) мастер использовал тиснение на матрице (выполнение рельефного язычка пряжки).

5. Золотая индикация обнаружена рядом с нижней челюстью погребенного на дне гроба (рис. 3; 5, 4–5). По-видимому, она была использована в качестве «обола Харона» и находилась изначально во рту ребенка. Индикация оттиснута с аверса полуфоллиса, выпущенного от имени Константина I на монетном дворе Рима в период с октября 312 по май 313 г. н.э.¹⁰ Она, безусловно, изготовлена в местной мастерской с монеты, обращавшейся на денежном рынке Фанагории. Поскольку эта находка, крайне важная с точки зрения выяснения хронологической позиции комплекса, исчерпывающе рассмотрена в специальной работе¹¹, у нас есть возможность не останавливаться на этой составляющей погребального инвентаря более подробно.

Детали ремней, особенно пряжки, являются самой многочисленной категорией погребального инвентаря позднеантичных комплексов Боспора и, в частности, Фанагории¹². Не смотря на это, находка погребального ременного гарнитура довольно редкий и интересный сюжет для изучения позднеантичной Фанагории, да

⁸ Учитывая, что размеры взяты с разрушенной временем вещи и имеют некоторые допуски в сторону увеличения (окислившийся предмет утратил четкость форм), они практически совпадают с наконечниками ремня из золота. Вполне вероятно, что это серебряное изделие могло являться частью ременного гарнитура.

⁹ Скорее всего, мастер изображал пряжку с прямоугольным щитком, трапеция же получилась в результате некоторой небрежности в исполнении.

¹⁰ Нумизматические определения д.и.н. М.Г. Абрамзон.

¹¹ Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова, Внуков 2017.

¹² Строков 2009, 303.

и всего Боспора этой эпохи. Очевидно, что комплект изготовлен единовременно в одной фанагорийской мастерской специально для использования в погребальном обряде. Все золотые элементы гарнитура практически плоские, изготовлены без применения оригинальных вещей в качестве матрицы. Вероятно, это стало причиной некоторой стилизации элементов ременного набора. Следует, однако, признать, что размеры внутренней части рамки пряжки совпадают с шириной наконечников ремня, что свидетельствует в пользу реалистичности имитаций.

Погребальные имитации металлических деталей ремней из погребения № 280 имеют пропорции и размеры аналогичные подобным изделиям из склепов Фанагории. В частности, речь идет о находках из фанагорийских комплексов 1/1991, 3/1992, 167/2011¹³, а также о погребальной пряжке из раскопок 1853 года¹⁴. Существование устойчивой стилистической традиции в исполнении этой специальной серии ювелирных изделий, а также определенная унификация и стандартизация их размеров, наряду с концентрацией этих находок в некрополях Азиатского Боспора (прежде всего его столицы) наводит на мысль о существовании в Фанагории, если не специализированной мастерской по производству погребальных ювелирных изделий, то, по крайней мере, определенной специализации внутри обычных ювелирных мастерских/мастерской.

Набор погребальных ювелирных изделий из публикуемого комплекса, датируемый временем не ранее 313 г. н.э., косвенно подтверждает наблюдения о технике изготовления золотых изделий из Фанагории этого времени, сделанные И.А. Сапрыкиной¹⁵. Все три золотых предмета гарнитура покрыты орнаментом, нанесенным при помощи металлопластики, которая начинает применяться фанагорийскими мастерами на изделиях из золотой фольги во второй половине 2–3 в. н.э.¹⁶ Более характерная для фанагорийских изделий 4–5 вв. н.э. техника тиснения¹⁷ использована локально – только при изображении язычка пряжки. Подобная эклектика техник изготовления ювелирных украшений признается специалистом характерной чертой этой эпохи¹⁸. Преобладание в оформлении публикуемых вещей металлопластики, позволяет предположить, что набор из погребения № 280 действительно является самым ранним комплексом среди аналогичных позднеантичных ювелирных наборов, в качестве основного приема декорирования которых выступает тиснение на матрице (иногда на настоящем предмете). Вполне вероятно, что интересные результаты относительно приведенных здесь наблюдений может дать анализ состава металла, из которого изготовлен ременной гарнитур погребения 280/2017.

Пристального внимания заслуживает археологический контекст, в котором обнаружены имитации деталей ременной гарнитуры.

Конструкция погребения № 280/2017 принадлежит к одному из самых редких типов погребений позднеантичной Фанагории – глубоким могилам с подбоем в торцевой стене шахты. Подбойные погребения являются самой малочисленной

¹³ Ворошилова 2011б, 321–323; Шавырина, Ворошилова 2013, 443–447, 454–460; Ворошилов, Ворошилова 2015а, 47–49, 70–72; Ворошилова 2018, 69–71, рис. 16, 1.

¹⁴ Трейстер 2017, 314, ил. 2.

¹⁵ Сапрыкина 2015.

¹⁶ Сапрыкина 2015, 263.

¹⁷ Сапрыкина 2015, 264.

¹⁸ Сапрыкина 2015, 264.

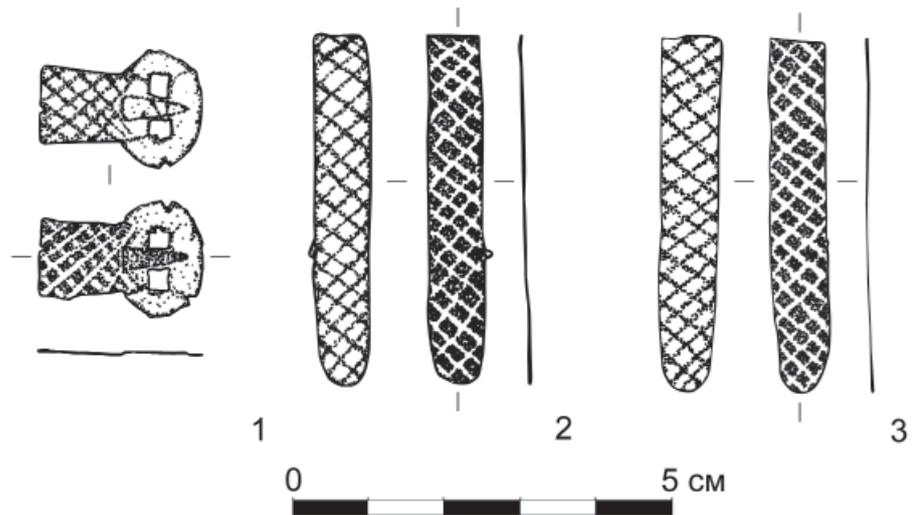

Рис. 6. Погребальный инвентарь. 1 – имитация золотой пряжки; 2–3 – имитации золотых наконечников ремня

группой фанагорийских захоронений этого времени, количественно существенно уступая простым могилам и грунтовым склепам¹⁹. Особенно редко подбой сооружался в торцевой стене могильной ямы. В Фанагории зафиксировано всего несколько подобных гробниц – № 27/2005 и № 30/2005²⁰. Заслуживает внимания и тот факт, что изделия из золота чаще встречаются именно в подбойных захоронениях, нежели в простых могилах²¹, что свидетельствует в пользу довольно высокого социального статуса погребенных в них горожан. Не стал исключением и публикуемый комплекс.

Как уже было сказано выше, погребенный был ориентирован головой на юго-восток – к шахте погребения. Этот вариант ориентировки – редкое явление для фанагорийских погребений 4–5 вв. н.э. В подавляющем большинстве могил этого времени преобладает северная (с небольшими отклонениями) ориентировка скелетов²². Однако, именно это положение тела погребенного человека – головой в южном направлении к входной шахте/дромосу, хорошо соотносится с реалиями, встречаемыми в грунтовых склепах этого времени. Кроме того, размеры, форма и особенности конструкции шахты могилы сближают ее с дромосами ранее открытых на этом участке некрополя Фанагории синхронных грунтовых склепов, вход в камеры которых располагался также в северной торцевой стене дромоса. Аналогичен и заклад из сырцовых кирпичей. Важно, что все найденные ранее в Фанагории наборы имитаций ременной гарнитуры происходят из аналогичных склепов. А именно из захоронений в деревянных гробах, где погребенные были

¹⁹ Ворошилов, Ворошилова 2015б, 17.

²⁰ Медведев 2013, 364–367, 370–377.

²¹ Ворошилов, Ворошилова, 2015а, 74.

²² Ворошилов, Ворошилова 2015б, 17.

ориентированы головой к дромосу – в юго-восточном, южном, юго-западном направлении. У двух погребенных с имитациями ременного гарнитура были скрещены ноги (левая на правой). В двух случаях речь идет о детских погребениях.

Явное сходство погребального обряда позднеантичных комплексов Азиатско-Боспора (они происходят из Фанагории и некрополя у м. Тузла²³) с имитациями деталей ремней дополняется характерными особенностями набора погребального инвентаря. В выборке из шести захоронений²⁴ трижды встречены золотые индикации, погребальные венки. В двух случаях покойного вместе с золотым погребальным, сопровождал «настоящий» ременной гарнитур.

Обращает на себя внимание обилие в рассматриваемых комплексах воинской или даже всаднической атрибутики. В трех захоронениях найдены железные мечи. Еще в одном погребении в составе «настоящего» гарнитура обнаружены распределители (один из них на поясе), что косвенно свидетельствует в пользу наличия воинского ремennого снаряжения (портупей) использовавшегося для ношения клинкового оружия.

Интерпретация наборов имитаций ремennых гарнитуров из благородных металлов исключительно как «погребальных поясов»²⁵ не всегда выглядит убедительной. В первую очередь обращает на себя внимание избыточное для одного пояса количество элементов ремennой гарнитуры в некоторых погребениях (4, 5, 7 деталей), а так же численное несоответствие «пряжек» и «наконечников» ремней (3+2; 1+3; 2+0). При рассмотрении археологического контекста стоит учитывать, что компоновка «погребального пояса» могла быть не одинаковой. Пояс мог «застегиваться» (1 пряжка; 1 пряжка + 1 наконечник) или «завязываться» (1–2 наконечника без пряжки). В этих случаях элементы пояса, скорее всего, должны были находиться в области тазовых костей человека. Такие случаи, действительно, есть. Например, в погребении № 3/1992 гроб 1 у пояса погребенного найдены два наконечника ремня; в комплексе № 3/1992 гроб 3 у тазовых костей обнаружено две накладки; в погребении № 167/2011 гроб 1 у пояса лежали имитации пряжки и наконечника ремня²⁶; в погребении № 280/2017 на поясе два наконечника. Теоретически, нельзя исключать того, что в некоторых случаях (например, в погребении № 1/1991 гроб 4 на поясе найдено три пряжки и два наконечника ремня) на погребенном могло быть несколько поясов (особенности погребального обряда?). Однако в некоторых случаях наборы погребальных гарнитуров совершенно очевидно распадаются в другие комбинации. Одна из них – обувные наборы, как в детском погребении № 3/1992 гроб 3 (по две пряжки на каждую стопу).

Еще одной, весьма вероятной, комбинацией погребальных деталей ремней может являться воинское снаряжение, в частности – портупея. На это косвенно указывает многочисленность ремennых деталей наряду с их расположением в местах не типичных для «пояса». В качестве примера сочетания погребального пояса с «настоящими» деталями ремней воинской амуниции можно привести фанагорийский комплекс № 167/2011 гроб 1, где в области пояса погребенного,

²³ Зеест 1953, 156–158.

²⁴ Некрополь Фанагории: 1/1991 гроб 4; 3/1992 гроб 1; 3/1992 гроб 3; 167/2011 гроб 1; 280/2017. Некрополь у м. Тузла: 3/1951.

²⁵ Трейстер 2017.

²⁶ Ворошилова 2018, рис. 16, 1.

помимо погребальных пряжки и наконечника ремня, обнаружен распределитель ремней, еще один распределитель найден у правой ступни, набор из пряжки с наконечником расчищен у левой ступни и еще один наконечник ремня лежал у правого колена. В данном случае имитации серебряной ременной гарнитуры обнаружены в комплекте с другими элементами воинского снаряжения. Примечательно, что в этом склепе найден мощный всаднический меч. Следующим вероятным случаем использования имитаций в портупейном наборе может служить упомянутый выше комплекс № 1/1991 гроб 4. Количество найденных у пояса погребенного имитаций позволяет предположить, что в данном случае помимо поясного ремня (1 пряжка с отличным от других декором) в нижней части туловища располагались крепления еще как минимум двух портупейных ремней (по паре одинаковых пряжек и наконечников ремней). В качестве еще одного возможного случая использования изделий из золотой фольги для имитации деталей портупеи можно привести упоминавшееся выше захоронение в 3 гробу склепа 3/1992. Здесь, помимо двух обувных (всаднических ?) наборов найдены три золотые ременные накладки, две из них в обычном для погребального пояса месте – у тазовых костей, одна – между коленных суставов. Именно положение последней, дает нам основание предположить, что она маркирует еще один ремень, который был связан с воинской амуницией. Крайним в этом перечне является публикуемое погребение № 280/2017. Его погребальный ременной гарнитур найден в двух локациях. Первая – два наконечника у пояса ребенка и вторая – пряжка на груди. В качестве третьей локации погребальных ременных деталей вне золотого гарнитура в этом захоронении выступает серебряная имитация наконечника ремня, найденная у нижней части голени. Вполне вероятно, что она изображала деталь снаряжения²⁷.

Происхождение погребальных элементов ремней портупеи и другого снаряжения из детских захоронений в целом не противоречит всаднической атрибуции этих элементов инвентаря. Скорее наоборот, контекст находок подчёркивает глубину проникновения всаднической культуры, которая с детства формировала мальчиков как наездников, а затем, конных воинов и была широко распространена в эпоху поздней античности на просторах Евразии, в городскую культуру столицы Азиатского Боспора.

Еще одним важным аргументом, свидетельствующим в пользу принадлежности имитаций ременных деталей из фольги благородных металлов к атрибутам всаднической культуры, может служить стилистическая близость некоторых из них элементам парадной узды боевых коней Боспора и его ближайшего окружения²⁸.

Обзор погребальных ременных наборов Боспора, аналогичных гарнитуру из погребения № 280/2017, и археологического контекста в котором они были обнаружены, позволяет высказать предположение о принадлежности этих древностей,

²⁷ В качестве альтернативной версии, объясняющей расположение имитации серебряного наконечника ремня строго поперек костей ног в месте, где они максимально прижаты друг к другу, можно озвучить предположение об использовании этого ремня, стягивавшего ноги погребенного в голених, в качестве погребальных пут. Возможно, эта деталь является проявлением обряда обезвреживания покойника.

²⁸ Трейстер 2017, 315–316.

прежде всего, всаднической погребальной культуре. С определенной долей осторожности можно выдвинуть гипотезу об использовании имитаций пряжек и конечников ремней не только для изображения деталей «погребального пояса», но и в качестве погребальных элементов обуви, ремней портупей и иного воинского снаряжения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., Внуков, С.Ю. 2017: Золотая индикация с полуфоллиса Константина I из Восточного некрополя Фанагории. *КСИА* 249, 282–290.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., 2015а: Золото в некрополе Фанагории. В сб.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. (В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2). М., 29–76.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М., 2015б: Население Фанагории по материалам позднеантичного некрополя. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции*. М., 16–19.
- Ворошилова, О.М., 2011а: Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории. *ПИФК* 4, 137–145.
- Ворошилова, О.М., 2011б: Об имитациях ременной гарнитуры из некрополя Фанагории. В сб.: *Боспорский феномен: население, языки, контакты: материалы международной научной конференции*. СПб, 321–324.
- Ворошилова, О.М., 2013а: Новая находка двухкамерного склепа в Фанагории. В сб.: В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина (ред.), *Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II международной конференции молодых ученых*. М., 110–111.
- Ворошилова, О.М., 2013б: Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Ворошилова, О.М., 2018: О склепах Фанагории 1–5 вв. н.э. В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 4. (В.Д. Кузнецов (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7). М., 415–481.
- Зеест, И.Б., 1953: Земляные склепы некрополя Тузлы. *КСИИМК* 51, 156–158.
- Медведев, А.П., 2013: Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 330–402.
- Сапрыкина, И.А., 2015: Техника изготовления золотых изделий из Фанагории. В сб.: М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории*. М., 208–265.
- Строков, А.А., 2009: Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора. *БИ* XXI, 303–319.
- Сударев, Н.И., Ахмедов, И.Р., 2013: Новые погребальные комплексы конца IV – начала V в. н.э. на Таманском полуострове. В сб.: А.В. Мастыкова (ред.), *Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара*. М., 44–45.
- Трейстер, М.Ю., 2017: Позднеантичные золотые погребальные пояса Боспора. *ТГЭ* LXXXVIII, 310–322.
- Шавырина, Т.Г., Ворошилова, О.М. 2013: Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.). В сб.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Материалы по*

археологии и истории Фанагории. Вып. 1. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1). М., 415–481.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., Vnukov, S.Yu. 2017: Zolotaya indikatsiya s polufollisa Konstantina I iz Vostochnogo nekropolya Fanagorii [A gold danake of Constantine the Great from the Phanagorian eastern necropolis]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 249, 282–290.
- Medvedev, A.P., 2013: Pozdneantichnyy nekropol' Fanagorii 4–5 vv. (raskopki 2005 g.) [Late Antique necropolis of Phanagoria 4th–5th cc. (the 2005 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archaeology and history of Phanagoria]. 1. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria, the results of archaeological research]. Vol. 1). Moscow, 330–402.
- Saprykina, I.A., 2015: Tekhnika izgotovleniya zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Technique of the manufacture of gold items from Fanagoria]. In: M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. Moscow, 208–265.
- Shavyrina, T.G., Voroshilova, O.M. 2013: Issledovaniya Zapadnogo nekropolya Fanagorii (po materialam raskopok 1987–2000 g.) [Studies in the Western necropolis of Phanagoria (1987–2000 excavations)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archaeology and history of Phanagoria]. 1. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]. Vol. 1). Moscow, 415–481.
- Strokov, A.A., 2009: Remennye garnitury gurskoy epokhi Aziatskogo Bospora [Belt sets of the Hun era of the Asian Bosphorus]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporian Studies] XXI, 303–319.
- Sudarev, N.I., Akhmedov, I.R., 2013: Novyye pogrebal'nyye komplekсы kontsa IV–nachala V v. n.e. na Tamanskom poluostruve [New funerary complexes of the end of the 4th – beginning of the 5th century AD on the Taman Peninsula]. In: A.V. Mastykova (ed.), *Ranegosudarstvennyye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya. Tezisy dokladov mezhdunarodnogo nauchnogo seminar* [Early state formations and «princely» culture in the North Caucasus at the end of antiquity – the beginning of the Middle Ages. Abstracts of the international scientific seminar]. Moscow, 44–45.
- Treyster, M.Yu., 2017: Pozdneantichnyye zolotye pogrebal'nye poyasa Bospora [Late Antique Golden Burial Belts of the Bosphorus]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage] LXXXVIII, 310–322.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2015a: *Zoloto v nekropole Fanagorii*. In: M.Yu. Trayster (ed.), *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. (Fanagoriya. Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of archaeological research. Vol. 2]). Moscow, 29–76.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M., 2015b: Naselenie Fanagorii po materialam pozdneantichnogo nekropolya [Population of Phanagoria based on materials of the Late Antiquity necropolis]. In: A.V. Mastykova (ed.), *Sotsial'naya stratifikatsiya naseleniya Kavkaza v kontse antichnosti i nachale srednevekov'ya: arkheologicheskie dannye. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Social stratification of the Caucasus population at the end of antiquity and the beginning of the Middle Ages: archaeological data. Materials of the international scientific conference]. Moscow, 16–19.
- Voroshilova, O.M., 2011a: Pozdneantichnoe pogrebenie s monetami iz nekropolya Fanagorii [Late Antique burial with coins from the necropolis of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kult'ury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 137–145.

- Voroshilova, O.M., 2011b: Ob imitatsiyakh remennoy garnitury iz nekropolya Fanagorii [On the imitations of a belt set from the necropolis of Phanagoria]. In: *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporus phenomenon: population, languages, and contacts: Materials of the international scientific conference]. Saint Petersburg, 321–324.
- Voroshilova, O.M., 2013a: Novaya nakhodka dvukhkamernogo sklepa v Fanagorii [A new find of a two-chamber crypt at Phanagoria]. In: V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina (ed.), *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy II mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: materials of the II International Conference of Young Scientists]. Moscow, 110–111.
- Voroshilova, O.M., 2013b: Sklep pozdneantichnogo vremeni iz raskopok Fanagorii v 2011 godu [The crypt of the Late Antique time excavated at Phanagoria in 2011]. *Stratum plus* 4, 123–131.
- Voroshilova, O.M., 2018: O sklepkh Fanagorii 1–5 vv. n.e. [The crypts of Phanagoria of the 1st – 5th centuries AD]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [Materials on archeology and history of Phanagoria]. 4. (Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Results of archaeological research]. Vol. 7). Moscow, 415–481.
- Zeest, I.B., 1953: Zemlyanye sklepy nekropolya Tuzly [Earthly Crypts of the Necropolis of Tuzla]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute of the History of Material Culture] 51, 156–158.

A LATE ANTIQUE BURIAL WITH A FUNERAL BELT SET IN THE NECROPOLIS OF PHANAGORIA

Alexey N. Voroshilov, Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Abstract. In 2017, the necropolis team of the Phanagorian Mission of IA RAS explored the Late Antique children's burial, which is one of the rarest types of burials of Phanagoria of this time (deep tombs with a niche in the sidewall of the mine). There are less niche tombs than simple graves and ground crypts in the necropolis of the Asian Bosporan capital in the 4th–5th centuries AD. Gold items are seldom found there, indicating a rather high social status of the citizens buried in them. The burial No 280 is a narrow rectangular mine with a niche in the north-west wall. A wooden coffin with a child's skeleton was situated in the center. The dead laid on his left side; the bones of his hands were located on the body and under it; the legs are stretched out and in the area of the feet are pressed against each other. The child is oriented by head to the southeast, to the burial mine, that is not typical for the Phanagorian Late Antique burials. Solely goods of funeral practice imitated real artefacts. All of them are made of foil of precious metals. In the field of the body of the child, gold imitations of the details of the belt headset (buckle, two belt tips) were made in the same stylistics and made according to the same technological scheme. In the lower part of the shins a decay from the silver foil was recovered, probably the remnants of a plate imitating an element of the belt headset (buckle or belt tip). Next to the lower jaw of the buried one, a gold danake was found, which, apparently, was used as the “Charon's obol” and was first in the child's mouth. The danake was impressed from the bronze coin – the half-follis of Constantine I, issued at the mint of Rome from October 312 to May 313 AD. It sets the lower chronological boundary of the whole complex and allows dating the burial after 313 AD. Based

on the analysis of similar burial sets of the Bosphorus, the archaeological context in which they were discovered, we are suggesting that these antiquities belong to a military funerary culture. A hypothesis is advanced that the imitation of buckles and belt tips can be used as elements of a funeral belt set.

Keywords: Phanagoria, necropolis, late antiquity, death customs, belt set, military equipment, buckle, danake
